

RU

Германо-славянские лексические параллели-зоонимы
“der Luchs” «рысь» – ‘рысь’ в сравнительно-историческом освещении

Шешкина Т. Ф.

Аннотация. Цель исследования состоит в установлении единых языковых атрибутов в ракурсе фонетического, морфологического и семантического полей германо-славянских лексических коррелятов “der Luchs” «рысь» – ‘рысь’. В рамках достижения поставленной цели предполагается проведение детальной реконструкции исторического развития этих лексем от их общего индоевропейского прародителя. Основное внимание уделяется фонетическим закономерностям, типологическим особенностям морфологической системы и культурным контекстам реализации в речи рассматриваемых лексических параллелей. Научная новизна работы заключается в том, что при выявлении уникальных и общих эволюционных траекторий, присущих лексическим коррелятам дальнеродственных языков, впервые были также установлены и описаны семантические диахронические изменения. Получение таких результатов стало возможным благодаря интеграции данных ономастики и фразеологии с данными исторических грамматик и фонетики. Результаты проведенного сравнительно-исторического анализа показывают основные этапы возникновения германо-славянских лексических параллелей “der Luchs” – «рысь» из одного индоевропейского архетипа, а также вектор их языкового онтогенеза с уточнением роли и места в современных языковых реалиях. Было установлено, что исследуемые лексические корреляты сохраняют праиндоевропейское корневальфицированное ядро, несмотря на дивергентные фонетико-морфологические и семантические трансформации.

EN

German-Slavic lexical parallel zoonyms “der Luchs” “рысь” – ‘lynx’
in a comparative-historical light

T. F. Sheshkina

Abstract. The study aims to establish common linguistic attributes within the phonetic, morphological, and semantic fields of the German-Slavic lexical correlates “der Luchs” and “рысь” (lynx). To achieve this goal, a detailed reconstruction of the historical development of these lexemes from their common Indo-European progenitor was conducted. The primary focus is on phonetic regularities, the typological features of the morphological system, and the cultural contexts of these lexical parallels’ realization in speech. The scientific novelty of the work lies in the fact that, while identifying unique and common evolutionary trajectories inherent in the lexical correlates of distantly related languages, semantic diachronic changes were also established and described for the first time. These results were made possible by integrating data from onomastics and phraseology with historical grammar and phonetics data. The results of the comparative-historical analysis reveal the main stages of the emergence of the German-Slavic lexical parallels “der Luchs” – “рысь” from a single Indo-European archetype, as well as the vector of their linguistic ontogenesis, specifying their role and place in modern linguistic realities. It was established that the examined lexical correlates preserve their Proto-Indo-European root-qualified core despite divergent phonetic-morphological and semantic transformations.

Введение

Исследование процессов, охватывающих происхождение языка и его трансформацию во времени, является одной из приоритетных комплексных задач современной лингвистики. Анализ лексических систем разных языков, в особенности дальнеродственных, представляется нам ключом к углубленному пониманию их структурной и функциональной организации и способствует развитию теоретической лингвистики и формированию новых парадигм в этой области. В этом контексте компаративный анализ лексических параллелей-

зоонимов с привлечением данных исторической фонетики и морфологии, фразеологии и ономастики является особенно информативным, т. к. помогает выявить не только генетическое родство, но и уникальные эволюционные траектории развития языков, позволяя, с одной стороны, пролить свет на механизмы формирования этнической идентичности и культурного разнообразия, а с другой – попытаться сохранить имеющееся лингвистическое наследие. Все вышесказанное и составляет актуальность нашего исследования.

Приступая к исследованию, мы очертили круг задач, требующих своего решения для достижения поставленной ранее цели:

- 1) отбор пары славяно-германских коррелятов из пласта общеупотребительной зоонимической лексики на основе авторитетных этимологических лексикографических источников;
- 2) стратификация языковой иерархии, где этимологизируется общая основа для установления генетического родства исследуемых единиц;
- 3) анализ обнаруженных системных фонетических, морфологических и семантических аналогий/несоответствий;
- 4) выявление широты семантического спектра исследуемых лексических параллелей с привлечением материалов исследований по фразеологии и ономастике с указанием вектора смысловых сдвигов в германском и славянском языковых полях;
- 5) систематизация и обобщение результатов проведенного исследования.

В ходе аналитической работы с целью выявления регулярных закономерностей эволюционного развития германского и славянского языковых ареалов нами применялся сравнительно-исторический метод, а также были реализованы некоторые элементы типологического анализа, обеспечившие последовательное исследование изоморфизма и алломорфизма сопоставляемых языков и культурно-историческую интерпретацию лингвистических данных. Для идентификации сходств и различий в таких ключевых аспектах языковой системы, как грамматические категории и фонетические системы, мы обратились к сравнительно-сопоставительному методу. В качестве инструментария, позволившего выявить типологию значений устойчивых словесных комплексов с компонентами *der Luchs* «рысь» – *рысь* был задействован прием фразеологического описания.

В качестве материалов исследования привлекались этимологические словари, с помощью которых удалось реконструировать исходные формы и значения рассматриваемых лексических коррелятов, а также установить их генетические связи. Для определения современного значения и особенностей употребления рассматриваемых когнатов применялись толковые словари, обеспечившие актуальность проведенного анализа в рамках современных лингвистических норм. Данные научных изысканий в области германской и славянской фразеологии предоставили информацию о стабильности и культурной специфике исследуемой лексической пары, позволив нам тем самым выявить ее функциональные и семантические характеристики в различных дискурсивных практиках. Для расширения временного и географического охвата исследования, а также для обеспечения многоаспектного и комплексного подхода к изучению лексических параллелей были задействованы исторические и диалектные лексикографические источники.

Теоретической базой исследования выступили лексикографические труды М. Фасмера (1987) и П. Я. Черных (1993), в которых раскрываются определения этимонов слов, обнаруженные не только в рамках русского или славянских языков, но и в более широком контексте межъязыковых контактов; Ф. Клуге (Kluge, 2011), где осуществляется фонологический, морфологический и исторический анализ лексем, позволяющий исследовать эволюцию немецкого языка и его развитие от древних форм; Ю. Покорного (Pokorný, 1959-1969), чье внимание сфокусировано на восстановлении лексических знаний протоиндоевропейского языка. Также в исследовании учитывались научные достижения В. Махека (Machek, 1968), делающего акцент на семантическом сходстве слов с учетом факультативных и спорадических фонетических изменений, таких как экспрессивное удлинение, субституция согласных и др., и У. Локвуда (Lockwood, 1994), в которых автор рассматривает исследуемое слово “*der Luchs*” / “*lynx*” / «рысь» в контексте его происхождения и эволюции в различных языковых системах, а также исследует его связь с мифологическими и культурными традициями.

Настоящее исследование представляет определенную практическую ценность, способствуя углублению теоретических знаний о межъязыковом германо-славянском взаимодействии, охватывая как собственно лингвистические, так и экстралингвистические аспекты. Представленный анализ позволяет провести детальное исследование исторической, культурной и социолингвистической взаимосвязи рассматриваемых языковых ареалов, а также осуществить всесторонний анализ функциональных и структурных характеристик лексических параллелей. Результаты настоящего исследования могут быть полезны при изучении типологических и контактных процессов в лингвистике, т. к. обладают достаточной степенью теоретической и эмпирической обоснованности. Полученные данные открывают новые перспективы для разработки курсов и учебных материалов в области этимологии, направленных на выявление и описание протоязыковых состояний, что является важным аспектом в контексте современных лингвистических образовательных стратегий. Кроме того, представленные результаты могут служить методологической основой для дальнейших исследований в области компаративистики, а также профессиональной подготовки переводчиков и специалистов в области межкультурных коммуникаций.

Обсуждение и результаты

Взаимодействие человека с окружающей средой является неотъемлемым атрибутом социального онтогенеза любого этноса. Животный мир как часть экосистемы не только становился объектом влияния, но и сам

оказывал воздействие практически на все сферы общественной жизни человека: культурную, религиозную, бытовую и т. д. Именно поэтому мы рассматриваем зоонимическую лексику как широкое поле лингвистических подсказок и намеков, проливающих свет на становление и развитие языка, взаимовлияние языковых и неязыковых сфер в этимологическом дискурсе. В качестве объекта исследования нами была отобрана пара коррелятов-зоонимов нем. *der Luchs* «рысь» – рус. *рысь*, чья лингвокультурологическая трассировка позволит нам дифференцировать векторы развития концептов в дальнеродственных языковых системах, выявить то общее, что осталось, и то новое, что появилось в когнитивных моделях и способах восприятия мира германских и славянских этносов, и, в конечном итоге, поможет глубже понять динамические процессы, происходящие до сих пор в современных языках.

Luchs, der – сущ., м. р. «рысь». Современная германистика датирует первые письменно зафиксированные упоминания лексемы IX в.: др.-в.-н., ср.-в.-н. *luhs*, др.-сакс. *lohs*, ср.-н.-н., ср.-нидерл. *los*, др.-англ. *lox* (Kluge, 2011, S. 586; Etymologisches Wörterbuch..., 1989, S. 1034). Не вызывает сомнений в научном континууме и этимологизация указанных лексем до уровня протогерм. **luxaz-* / **luhsa-* «рысь» (Зализняк, 1965, с. 224; Kluge, 2011, S. 586; Kroonen, 2013, p. 342; Orel, 2003, p. 250). Обращаясь к фонеморфологическому оформлению исследуемого коррелята, отметим наличие суффиксального *-s*, маркера принадлежности к мужскому роду, присутствующему в орбите германского языкового фона, что отчетливо демонстрирует шведская лексическая система – др.-швед. *lō* > швед. *lo* «рысь» (самка животного) (Hellquist, 1925, S. 417).

Дальнейшая этимологизация германского коррелята не столь прозрачна, как на протогерманском уровне. Можно в этой связи выделить два направления дальнейшей реконструкции протогерм. **luxaz-* / **luhsa-* «рысь». Наиболее распространенной является гипотеза, поддерживаемая Ф. Клуге (Kluge, 2011, S. 586), Э. Клейном (Klein, 2003, p. 434), В. Пфайфером (Etymologisches Wörterbuch..., 1989, S. 1034), Ю. Покорным (Pokorny, 1959-1969, S. 687, 690), о восхождении основы к индоевропейскому субстрату: протогерм. **luxaz-* / **luhsa-* < и.-е. **leuk-* «сиять», «светиться», «свет» и деривации **luok-* «видеть». Отметим, что внутри данной группы языковедов нет единого мнения о причинах номинации исследуемого апеллятива: *цвет шерсти животного* ← «светлый», «свет» → *глаза животного*.

Так, У. Локвуд (Lockwood, 1994, p. 41-43) приходит к мнению, что окрас, цвет шкуры животного является значимым маркером, отличающим его от других зверей, и вполне может выступать в качестве номинативной архисемы. Подобный паттерн мы находим и в других зоонимах германского языкового ареала – *der Bär* «медведь», *der Biber* «бобр» < *braun* «коричневый» (Шешкина, 2020, с. 376-379).

Блеск глаз животного, особенно в темноте, как основообразующий элемент номинации, усматривают Ф. Клуге (Kluge, 2011, S. 586), Э. Клейн (Klein, 2003, p. 434). Остроту зрения рыси во главу угла ставит Э. Фурнэ (Furnée, 1972, S. 121). Отметим, что каких-либо достоверных зоологических данных о выдающихся зрительных характеристиках животного нами не обнаружено. Однако определенная семантическая связь *рысь* – *острое зрение* прослеживается в греческом лингвокультурологическом поле: и.-е. **leuk-* > греч. *λύγξ* «рысь» > греч. *Λυγξέας* «Линкей» (имя одного из аргонатов, известного своим острым зрением) (Beekes, 2010, p. 875). Также отсылку к этой характеристике хищника находим в сущ. нем. *Luchsauge, das*, «зоркий глаз», о человеке, от глаз которого ничего не ускользает (Etymologisches Wörterbuch..., 1989, S. 1034), в составном прилагательном англ. *lynx-eyed* «зоркий» (Juraboev, 2021, p. 482).

Обратимся ко второму вектору реконструкции протогерм. **luxaz-* / **luhsa-*, а именно к гипотезе о неиндоевропейском происхождении этимона. О возможности такого положения вещей высказываются Г. Кроонен (Kroonen, 2013, p. 343) и Э. Фурнэ (Furnée, 1972, S. 121-122). Оба лингвиста в качестве доказательства отсутствия праиндоевропейского субстрата указывают на невозможность установить общие фонеморфологические аналогии за пределами германского языкового ареала. Действительно, если в германских языках мы обнаруживаем суффиксальное *-s* образование, о чем было написано выше, то в греческом очевиден назальный инфикс *-n-* (греч. *λύγξ* – [λύγξн]), а в славянском языковом континууме появляется анлаутный *r* – рус. *рысь*. Приверженцы данной точки зрения рассматривают указанные несоответствия как возможный результат имевшего когда-то место табуирования.

Перейдем теперь к анализу русского коррелята: **рысь** – сущ., ж. р. Первые письменно зафиксированные упоминания лексемы в славянском языковом поле датируются 11 в.: др.-рус. *рысь*, укр. *рысь*, блр. *рысь*, болг. *рис*, с.-хорв. *риѣ*, словен. *ris*, чеш. *rys*, польск. *ryś* (Фасмер, 1987, с. 530; Черных, 1993, с. 131). Не подвергается сомнению в среде языковедов восхождение указанных единиц к общеславянской основе **ryśь* (Черных, 1993, с. 131), а при дальнейшей реконструкции – этимологизация о.-слав. **ryśь* < и.-е. **leuk-* через промежуточную ступень о.-слав. **lyśь* «лысый» (Этимологический словарь..., 1990, с. 49; Фасмер, 1987, с. 530; Черных, 1993, с. 131; Pokorny, 1959-1969, S. 690; Rejzek, 2001, S. 552). Интересной здесь оказывается интерпретация появления анлаутного *r* в славянском языковом фоне. Общепризнанной является гипотеза о контаминации, предъявляющая, однако, два пути объединения лексем: Э. Клейн (Klein, 2003, p. 434) и Ю. Покорный (Pokorny, 1959-1969, S. 690) предполагают *r* < *ruvati* «рвать» (отсылка к повадкам хищника), большинство исследователей, в том числе М. Фасмер (1987, с. 530), П. Я. Черных (1993, с. 131), Р. Бекес (Beekes, 2010, p. 875), говорят о *r* < *ryśь* «рыжий, русый» (отсылка к окрасу рыси).

При анализе этимологизации рус. *рысь* неизбежно встает вопрос о причинах номинации лексемы, о причинах развития семантических связей **lyśь* «лысый» – *ryśь* «рыжий, русый» – **ryśь* «рысь». Здесь, по нашему мнению, начать следует с реконструкции смыслового значения о.-слав. **lyśь* «лысый», одним из значений

которого является «с белым пятном на лбу» (о животном) (Этимологический словарь..., 1990, с. 45). Вероятно, гиперсема «окрас животного» лежит в основе семантического сдвига «с белым пятном на лбу» → «рыжий, русый», что указывает на окрас меха рыси как причину номинации зверя (Шанский, Иванов, Шанская, 1971, с. 397; Фасмер, 1987, с. 530; Etymologisches Wörterbuch..., 1989, S. 1034; Rejzek, 2001, S. 552). Также, если принять во внимание соответствие праслав. **lysz* – др.инд. **rusan-*, **rusant-* «светлый, белый, блестящий, светящийся» (Этимологический словарь..., 1990, с. 49), то тогда за основу номинации можно принять гиперсема «глаза животного», откуда следует: «глаза животного» → «блеск, сияние глаз» → «острота зрения» (Machek, 1968, S. 527). Табуирование как основа апеллиатива *рысь* не подвергается сомнению этимологами-славистами. Я. Отребски (Otrębski, 1958, S. 332) в этой связи утверждает, что в некоторых русских говорах *рысь* часто заменялось выражением «лютый зверь», или же рус. диал. *рысь нагнать* «нагнать страху» – *Таку он на меня рысь нагнал, что пуще огня боялась* (Словарь русских народных говоров, 2001, с. 319), где подтверждается страх человека перед хищником, чье название вследствие этого становится табу.

Говоря о семантическом поле исследуемого коррелята, считаем необходимым упомянуть и о сужении широты его значения. Если в современном языке *рысью* называют одно, вполне конкретное животное семейства кошачьих, то ранее слово употреблялось для обозначения рыси, леопарда, гепарда, а также шкуры животного: *Аште пръмънть... рысь пьстротины своя, то и вы мошти начънете добро творити* (13 в.) / *Въ казну великихъ государей съ себя ясакъ давать поголовный по вся годы добрыми соболями, рысьми и лисицами добрыми жъ* (17 в.) (СлРЯ XI-XVII вв., 1975, с. 277).

Для проведения многостороннего анализа лексических параллелей *der Luchs* «*рысь*» – *рысь* мы также обратились к данным ономастики. Лексемы не получили широкой реализации в этой области ни в германском, ни в славянском языковом континуумах: имена собственные – *August Luchs* (немецкий филолог), *Ernst Luchs* (немецкий медик), *Рысино* – деревня в Псковской области, *Рысево* – поселок в Кировской области, *Рысь* (приток Медведицы) – река в Волгоградской области. Интересным, по нашему мнению, является применение исследуемых коррелятов в номинации военной техники, когда во главу угла ставится своеобразная антитеза: малогабаритный (небольшой) размер хищника / высокая (большая) охотничья результативность, успешность, эффективность – российская и немецкая боевые разведывательные машины «*Рысь*» и «*Luchs*», английский многоцелевой морской вертолет «*Super Lynx*» (Юкляева, 2024, с. 138; Бабаян, Тюкина, 2023, с. 829).

Что касается фразеологической активности, то здесь также обнаруживается незначительная количественная исследуемых коррелятов, особенно в русском языке: нем. *Luchs, der* «хитрого», нем. *Augen wie ein Luchs haben* «быть зорким, бдительным», нем. *Ohren wie ein Luchs haben* (с отрицательной коннотацией) «ничего не пропускать мимо ушей» (Девкин, 1994, с. 474; Röhrich, 1973, S. 610), нем. *aufpassen wie ein Luchs* (с положительной коннотацией) «быть начеку» (Иванченко, 2023, с. 1803), англ. *watchful as a lynx* «зоркий как рысь» (Передриенко, 2023, с. 86); *Рысь пестра сверху, а человек лукав внутри* (как и в немецком языке, отсылка к хитрости хищника, но через обращение к окрасу меха) (Даль, 1989, с. 269); *рысьи глаза* (отсылка к глазам животного в контексте хитрости, а не острого зрения как в германских языках) (Ван, 2021, с. 237). Полагаем, что низкая частотность реализации германо-славянских соответствий может быть вызвана культурной традицией этносов: несмотря на то что *рысь* является достаточно распространенным животным в европейском экологическом ареале, она не играла значимой роли в быту человека: не представляла большой опасности для его жизни и подсобного хозяйства, не обладала особой промысловой ценностью в сравнении с другими хищниками или ценными пушными зверями.

Можно дополнить, что от существительного *Luchs* в немецком языке образуется разговорный глагол *luchsen* «внимательно высматривать, подглядывать, следить». При этом ошибочно предполагают, что и эксплицитный дериват *jemandem etwas abluchsen* «ловко выманить, хитростью отобрать (деньги, секрет, вещь)» является также производным от этого существительного. Более вероятно, что глагол *abluchsen* этимологически связан с глаголом *luken* (mittelniederdeutsch).

Таким образом, осуществленный компаративный анализ с привлечением данных исторической фонетики и морфологии, фразеологии и ономастики позволил нам выявить реконструированные праформы и этимологические цепочки лексических параллелей-зоонимов, продемонстрировать не только их генетическое родство, но и уникальные эволюционные траектории развития, а значит, глубже понять процессы взаимодействия между дальнеродственными германскими и славянскими языковыми группами в ходе их исторического развития.

Заключение

В ходе настоящего исследования нами был проведен комплексный анализ германо-славянских лексических параллелей *der Luchs* «*рысь*» – *рысь* с выявлением языковых сходств и различий (а также их детерминант) в структуре и функционировании анализируемых коррелятов. Примененный методологический инструментальный позволил прийти к выводам, основанным на понимании процессов диахронического развития и дивергенции указанных языковых единиц, а также их семантической эволюции в различных лингвистических системах.

Было установлено, что исследуемые когнаты реконструируются до глубины общего индоевропейского архетипа и демонстрируют признаки имевшего место табуирования. Табуирование при этом основывается в обоих языковых ареалах на таких внешних признаках животного, как шерсть (окрас) / глаза (блеск, острота зрения).

При разборе фонеморфологической оболочки коррелятов нами были обнаружены несопадающие словообразующие элементы – суффиксальное *-s* и анлаутный *r-* в германских и славянских языках соответственно.

Уточним, что в славянских языках морфологическая структура коррелята предъявляет также признаки контаминации как некое выражение форы семантического синкретизма.

В области ономастики и фразеологии *der Luchs* «рысь» – *рысь* реализуют схожую, достаточно низкую квантитативность, обусловленную культурно-историческими народными практиками. Коннотационный компонент лексических параллелей отличается в германском и славянском языковых полях незначительно: от скорее отрицательного до практически нейтрального соответственно.

Перспективы дальнейших исследований в генетически удаленных языках, направленные на выявление структурных и функциональных особенностей, установление закономерностей и тенденций в их развитии, состоят в более глубоком осмыслении процессов диахронического развития, дивергенции языковых единиц и эволюции семантических значений в различных лингвистических системах, что, в свою очередь, требует от исследователей привлечения более крупного массива эмпирических сведений.

Условные сокращения

Англ. – английский; блр. – белорусский; болг. – болгарский; греч. – греческий; др.-англ. – древнеанглийский; др.-в.-н. – древневерхненемецкий; др.инд – древнеиндийский; др.-рус. – древнерусский; др.-сакс. – древнесаксонский; др.-швед. – древнешведский; и.-е. – индоевропейский; нем. – немецкий; польск. – польский; о.-слав. – общеславянский; праиндоевроп. – праиндоевропейский; праслав. – праславянский; протогерм. – протогерманский; рус. – русский; с.-хорв. – сербохорватский; словен. – словенский; ср.-в.-н. – средневерхненемецкий; ср.-н.-н. – средненижненемецкий; ср.-нидерл. – средненидерландский; укр. – украинский; чеш. – чешский; швед. – шведский.

Диал. – диалектное; ж. р. – женский род; сущ. – существительное; м. р. – мужской род.

Материалы исследования | Research materials

1. Даль В. И. Пословицы русского народа: в 2 т. М.: Художественная литература, 1989. Т. 1.
2. Девкин В. Д. Немецко-русский словарь разговорной лексики: свыше 12000 слов. М.: Русский язык, 1994.
3. Словарь русских народных говоров: в 52 вып. / под ред. Н. И. Андреевой-Васиной, Е. В. Колосько, С. А. Мызникова и др. СПб.: Наука, 2001. Вып. 35.
4. СлРЯ XI-XVII вв. – Словарь русского языка XI-XVII вв.: в 31 вып. / АН СССР; Ин-т рус. яз. М. – СПб.: Наука; Азбуковник; Нестор-История, 1975. Вып. 2.
5. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: в 4 т. / пер. с нем. (с доп.) О. Н. Трубачева. М.: Прогресс, 1987. Т. 3.
6. Черных П. Я. Историко-этимологический словарь русского языка: в 2 т. М.: Рус. яз., 1993. Т. 2.
7. Шанский Н. М., Иванов В. В., Шанская Т. В. Краткий этимологический словарь русского языка. М.: Просвещение, 1971.
8. Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд: в 41 вып. / под ред. О. Н. Трубачева. М.: Наука, 1990. Вып. 17.
9. O. N. Trubachev. M.: Nauka, 1990. Vol. 17.
10. Beekes R. Etymological Dictionary of Greek. Leiden – Boston: Brill, 2010. Vol. 1.
11. Etymologisches Wörterbuch des Deutschen: in 3 Bdn. / W. Pfeifer, G. Ginschel, G. Hagen u. a. Berlin: Akademie-Verlag, 1989. Bd. 2.
12. Hellquist E. Svensk etymologisk ordbok / Av Elov Hellquist. Lund: C. W. K. Gleerup, 1925.
13. Klein E. A Comprehensive Etymological Dictionary of the English Language. Amsterdam: Elsevier Science B. V., 2003.
14. Kluge F. Etymologisches Wörterbuch der deutschen Sprache / 25. Aufl., bearb. von E. Seebold. Berlin – Boston: Walter de Gruyter GmbH & Co, 2011.
15. Kroonen G. Etymological Dictionary of Proto-Germanic. Leiden – Boston: Brill, 2013.
16. Machek V. Etymologický slovník jazyka českého a slovenského. 2. vyd. Praha: Československé akademie věd, 1968.
17. Orel V. A handbook of Germanic Etymology. Leiden – Boston: Brill, 2003.
18. Pokorny J. Indogermanisches etymologisches Wörterbuch: in 2 Bdn. Bern – München: A. Francke Verlag, 1959-1969. Bd. 1.
19. Rejzek J. Český etymologický slovník. Praha: Leda, 2001.
20. Röhrich L. Lexikon der sprichwörtlichen Redensarten: in 2 Bd. Freiburg: Herder, 1973. Bd. 1.

Источники | References

1. Бабаян В. Н., Тюкина Л. А. К вопросу о структурно-семантических особенностях и специфике номинации вооружения и военной техники в английской лингвокультуре // Вестник Удмуртского университета. История и филология. 2023. Т. 33. № 4.
2. Ван М. Тематическая группа «животный мир» как средство интерпретации фразеологических единиц с компонентом «глаз» // Неофилология. 2021. Т. 7. № 26. <https://doi.org/10.20310/2587-6953-2021-7-26-235-240>

3. Зализняк А. А. Материалы для изучения морфологической структуры древнегерманских существительных II // Этимология: сборник научных трудов. М.: Наука, 1965.
4. Иванченко Т. А. Компаративные фразеологизмы немецкого языка с компонентом-зоонимом (семантический и лингвокультурный аспекты) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2023. Т. 16. Вып. 6. <https://doi.org/10.30853/phil20230292>
5. Передриенко Т. Ю. Перцептивные стереотипы в сравнениях русского и английского языков // Вопросы психолингвистики. 2023. № 3 (57). <https://doi.org/10.30982/2077-5911-2023-57-3-82-91>
6. Шешкина Т. Ф. Немецкие зоонимы “Biber”, “Bär” и их славянские параллели в немецких этимологических словарях // Сборник научных трудов молодых ученых и специалистов: в 2 ч. Чебоксары: Чувашский государственный университет имени И. Н. Ульянова, 2020. Ч. 2.
7. Юкляева Е. А. Лингвистический узус или традиция вермахта? (о номинациях тяжелой военной техники бундесвера) // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2024. № 5 (886).
8. Furnée E. Die wichtigsten konsonantischen Erscheinungen des Vorgriechischen: Mit einem Appendix über den Vokalismus. P. – The Hague: Mouton, 1972.
9. Juraboev B. Structural types of the simple adjectives and their morphological characteristics in modern English // Scientific progress. 2021. Vol. 2. № 4.
10. Lockwood W. B. LYNX: The Motivation of the Name // Glotta. 1994. Vol. 72. № 1/4.
11. Otrębski J. S. Gramatyka języka litewskiego. Warszawa: Państwowe Wydawnictwo Naukowe, 1958. Т. 1.

Информация об авторах | Author information

RU**Шешкина Татьяна Фоминична¹**, к. филол. н.¹ Ставропольский государственный педагогический институт (филиал) в г. Ессентуки**EN****Tatyana Fominichna Sheshkina¹**, PhD¹ Stavropol State Pedagogical Institute (Branch) in Yessentuki¹ sheshkinatiana@mail.ru

Информация о статье | About this article

Дата поступления рукописи (received): 26.04.2026; опубликовано online (published online): 21.05.2026.

Ключевые слова (keywords): лексические параллели; индоевропейский субстрат; семантическая трансформация; табуирование; зоонимическая номинация; lexical parallels; Indo-European substratum; semantic transformation; tabooing; zoonymic nomination.